

Алексеев А. Н.

Личностное науковедение (на примере современной российской социологии)¹

1. В истории всякой науки могут быть выделены три подхода, три способа отбора и структуризации материала, которые условно и упрощенно назовем: (а) история научных идей, (б) история института науки и (в) история творцов науки.

Первый - наиболее употребительный в учебниках по истории науки - сосредотачивается на конкретно-исторических условиях возникновения тех или иных научных концепций, на содержании этих концепций, на смене научных парадигм, на логике развития науки как системы знания.

Второй – предъявляет историю становления и смены организационных форм и институциональных рамок бытования науки: центры ее развития, научные издания и публикационный поток, научные конгрессы, «научные школы» и т. д.

Третий соотносится прежде всего с личностями – деятелями, не только в плане их научных результатов, теоретических и эмпирических, но и в биографическом плане - от условий социализации до всего многообразия жизнепроявлений, мотиваций, исканий и открытий.

Понятно, что эти историографические «русла» не автономны, переплетаются, одно невозможно без другого; но во всяком конкретном историко-научном исследовании оказывается приоритетным тот или иной подход, а роль остальных второстепенна. Целостная история науки являет собой конфигурацию, или синтез этих трех своих компонент

2. Любая наука не существует (а стало быть, и не может рассматриваться...): (а) “вне” историко-культурного контекста, (б) “вне” собственной истории становления и развития, (в) “вне” личностей, ее творящих и двигающих.

Первая категория (“контекст”...) включает в себя все “внешние” (социокультурные, политико-идеологические, экономические и т. д.) факторы научного движения, вторая (“собственная история”...) объемлет закономерности этого движения как такового, третья (“личности”...) отображает главный “внутренний” фактор развития науки, ее человеческий потенциал, или источник самодвижения.

Даже школьный учебник физики не может - при изложении законов Ньютона - обойтись без сообщения, когда жил Ньютон и т. п. Тем более, освещение современного состояния или обсуждение актуальных проблем науки немислимы без исторической ретроспективы и в отвлечении от человеческого фактора.

¹ [Текст был предназначен](#) для XXII Любичевских чтений 2-5 апреля 2008 г., Ульяновский государственный педагогический университет. См. также: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. [Профессия – социолог](#) (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. СПб.: Норма, 2010. С. 207-217.

3. Какие же ресурсы в принципе имеются для решения историко-наукведческих задач? Будем различать ресурсы (источники...) “первичные” и “вторичные”. Первичные классифицируем следующим образом: (а) тексты собственно научные, (б) деловые документы (институционально-организационные тексты) и (в) тексты личностные (“человеческие”, индивидуально-приватные)

Под первыми понимаем весь поток научных публикаций (научная периодика, монографии, материалы научных конференций и конгрессов, сборники статей, репринты и т. п.). Под вторыми — документы, как правило, официальные, относящиеся к организации науки, как социального института, но, пожалуй, и некоторые не официальные тоже (кое-что из этой разряда уцелевает в научных и ведомственных архивах...). Наконец, человеческие (личностные...) документы, скапливающиеся в личных архивах ученых; тут и переписка, и дневники, и много чего еще, включая биографические интервью и мемуары, которые (те и другие...) будут нас интересовать особо.

4. Разумеется, разграничение названных категорий не является слишком жестким. Возможны тексты, сочетающие в себе разнородные черты (например: диссертация — текст научный и, в определенном смысле, институционально-организационный; переписка ученых может включать в себя элементы как научности, так и приватности; и т. д.).

5. Вторичные ресурсы — собственно историко-наукведческие изыскания: каждый исследователь (в данном случае речь идет об историке науки...) так или иначе опирается на своих предшественников, иногда просто пересказывает их, иногда дополняет, иногда опровергает... По мере умножения и развития историко-научного знания (что, вообще говоря, справедливо и для всякого исторического исследования...) ссылки на “первоисточники” нивелируются, документального обоснования или подтверждения требуют лишь новые факты и не общепринятые положения.

Особый вид вторичных ресурсов составляют материалы средств массовой информации, а также научно-популярная литература, что, особенно при недостатке иных материалов, часто оказывается ценным историко-наукведческим источником.

Еще можно указать на ресурсы как бы нулевого цикла. Это “сырые” материалы: полевые дневники исследователя, протоколы наблюдений, записи измерений, материалы первичной обработки данных и т. д., и т. п.

6. Здесь следует особо оговорить разницу между историческими документами вообще, которые выступают в качестве актуальных или потенциальных источников информации или эмпирических объектов изучения для ученого-гуманитария или обществоведа, и документами науки, как таковой, или так или иначе связанными с нею текстами, которые (документы, тексты...) составляют источниковедческий ресурс собственно историко-научного знания.

7. Понятно, что чем более развита конкретная научная отрасль, чем богаче ее профессиональный багаж и весомее вклад в историко-культурный процесс, тем больше шансов на становление адекватных ее “возрасту” и общественному значению историко-научной фактографии и рефлексии. История науки есть в определенном смысле ее прогрессирующее самосознание. И обратно: “молодая” наука (область научного знания...), которая не имеет столь глубокой и прочной традиции, обычно оказывается беднее историографически.

8. Как от возраста самой научной отрасли, так и от нацеленности исследовательского интереса на более или менее отдаленные от настоящего момента этапы и периоды развития науки, обычно зависит структура источниковедческой базы, например: соотношение первичных и вторичных ресурсов науковедческого изыскания или, скажем, архивных документов и “живых” свидетельств о процессе научного движения. В частности, “человеческие” (личностные...) документы обычно наименее долговечны — при недостатке специально предпринятых мер к их сбережению такие материалы могут оказаться утраченными уже через одно-два поколения.

В особенности это касается документов индивидуальной памяти, включая автобиографические нарративы. Два поколения спустя отсутствие документированного рассказа деятеля науки (как и любой исторической или “не исторической” личности...) о своем жизненном пути, о профессиональной, общественной и глубинно-личностной (ценностной...) мотивации своей жизнедеятельности, о своем круге общения и взаимодействии с коллегами и т. д., равно как и отсутствие зафиксированных воспоминаний об этом человеке лиц, близко его знавших, с ним сотрудничавших и т. п., — уже ничем нельзя будет восполнить. Придется довольствоваться либо “обезличенными” сведениями из официальных источников или же заниматься истолкованием “легенд”.

9. С учетом всего сказанного, историография всякой конкретной научной отрасли (научного направления, научной школы и т. п.) должна, по возможности, создаваться (строиться...) если не “параллельно” с реальным научным процессом, то по крайней мере, с минимальным “запаздыванием”. В особенности это следует отнести к формированию корпуса индивидуализированных историко-науковедческих свидетельств, без которых невозможно полноценное исследование “человеческого фактора” науки, а стало быть и комплексное историко-научное исследование.

10. Попробуем применить изложенные методологические соображения к исторически конкретной научной сфере, в частности - общественно-гуманитарной, и еще конкретнее — к советской и постсоветской, или, скажем так, новейшей российской социологии.

Напомним, что становление (возрождение...) социологии в СССР, в качестве социально востребованной области научного знания, после многолетнего перерыва (1930-40-е гг., когда социология числилась по разряду «буржуазных лженаук»), произошло в период хрущевской “оттепели”, где-то на рубеже 1950-60-х гг. Таким образом, “возраст” советской (соответственно — новейшей российской...) социологии соизмерим с длительностью человеческой жизни.

11. В рамках истории новейшей российской социологии остановимся на направлении или подходе, которое выше условно названо «историей людей» (людей науки). Можно обозначить его также как историко-биографическое. До 1990 г. это направление практически отсутствовало (пожалуй, в силу ее, социологии, относительной молодости). В начало 90-х гг. почти все зачинатели современной российской социологии («шестидесятники») успели вступить - еще в пору своей творческой активности (как правило, они сохраняют ее и сегодня, и только в статусно-институциональных позициях постепенно начинают уступать место более молодым).

12. Зачинателем историко-биографических исследований в области к современной российской социологии, явился Г. Батыгин, очень рано ушедший из жизни (1951-2003), но успевший сделать в этом направлении очень много. Начиная с 1994 г. в созданном и возглавлявшемся им вплоть до 2003 г. одном из ведущих

профессиональных периодических изданий — «Социологический журнал» — под рубрикой “Ретроспектива”, а затем “Профессиональные биографии”, стали регулярно публиковаться биографические интервью (их брали, кроме самого Г. Батыгина, также его коллеги: Н. Мазлумянова, М. Пугачева, С. Ярмолюк, возможно и другие).

Среди обстоятельно интервьюированных журналом в период с 1994 по 1997 г. были: И. Кон, В. Ольшанский, Б. Фирсов, Л. Карпинский, Ю. Левада, Т. Заславская. А в период с 1998 по 2006 г. этот список дополнили: В. Радаев, С. Чесноков, Л. Дробижева, О. Яницкий, А. Левинсон, Л. Гудков, Б. Дубин, О. Шкаратан, Д. Алиева, сам Г. Батыгин, О. Божков, В. Ярская-Смирнова, Б. Докторов, И. Попова, А. Здравомыслов (перечисление — в последовательности публикаций).

В 1999 г. под редакцией и с предисловием Г. Батыгина вышел фундаментальный коллективный историко-социологический труд “Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах” (СПб.: Русский христианский гуманитарный институт). Кроме тех из упомянутых выше авторов, чьи биографические интервью до 1998 г. публиковались в “СЖ”, здесь, в разделе «Воспоминания», представлены мемуары и автобиографические рассказы еще ряда российских социологов старшего поколения (а также некоторых партийных работников, “курировавших” тогдашнюю социологию). Это: В. Колбановский, В. Ядов, Г. Осипова, А. Здравомыслов, Б. Грушин, Л. Оников, М. Руткевич, Н. Лапин, Р. Рывкина, Л. Когана, Н. Наумова, А. Галкин, Н. Пилипенко, Э. Араб-Оглы, Ю. Давыдов, И. Бестужев-Лада, В. Семенов.

Таким образом, уже во второй половине 1990-х гг. Г. Батыгиным и его ближайшими сотрудниками был заложен фундамент историко-биографического проекта, который можно было бы назвать: “история российской социологии в лицах”.

13. Эстафету указанной историко-науковедческой инициативы подхватил независимый исследователь, российский социолог, вот уже более 12 лет проживающий в США (Калифорния), однако сохраняющий теснейшую связь с российским социологическим сообществом — Б. Докторов. Начиная со второй половины 2004 г. в петербургском журнале социологических и маркетинговых исследований «Телескоп»: (учредитель и редактор — М. Илле) открылась новая рубрика “Современная история российской социологии”. Начало ей было положено подборкой материалов, информационным поводом для которой послужило 75-летие одного из зачинателей социологии в СССР, главного теоретика и практика изучения общественного мнения в России Б. Грушина (ныне покойного). Смысловый центр этой инновационной журнальной публикации (2004-4) составила научная биография Грушина, написанная Б. Докторовым.

В следующем номере журнала (2004-5) инициатор вышеназванной рубрики (Б. Д.) опубликовал статью-манифест “История есть, только если она написана”. Начиная с 2005 г. публикация в “Телескопе...” материалов из (по...) истории российской социологии второй половины XX века стала регулярной.

Здесь укажу авторов (героев...) лишь биографических интервью, взятых Б. Д. и опубликованных в названном журнале в период 2005-2007 гг.: Б. Фирсов, Я. Гишинский, В. Ядов, Л. Кесельман, Е. Смирнова, Р. Могилевский, сам Б. Докторов (интервью взято Б. Фирсовым), Д. Константиновский, А. Здравомыслов, В. Шляпентох, М. Илле, А. Гофман, Л. Ионин, Б. Максимов, Т. Заславская, Ф. Шереги (перечисление — в последовательности публикации). В то же время, продолжалась публикация интервью в рамках историко-биографического проекта Б. Докторова в «Социологическом журнале» и других изданиях. В № 1 «Телескопа» за 2007 г. была опубликована вторая статья-манифест Б. Д. «Биографии для истории».

14. Следующим шагом становления и институционализации указанного направления историко-наукведческих исследований стал организованный Б. Докторовым и Д. Шалиным (профессором Университета Невады в Лас Вегасе, в отдаленном прошлом - сотрудником коллектива, возглавлявшегося Ядовым, 1970-е гг.) сайт «Международная биографическая инициатива» (МБИ).

С апреля 2006 г. по настоящее время, т. е. за три, без малого, года существования этого сайта (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>) там были вывешены все упоминавшиеся выше и еще некоторые биографические интервью, а также широкий круг как опубликованных (ранее или параллельно...) на бумажных носителях, так и эксклюзивных (онлайновых) материалов иных жанров, относящихся к истории новейшей российской социологии и к теории и практике биографического метода.

Собранные на сайте к настоящему времени материалы представлены следующими рубриками: Интервью (около 100 персоналий; некоторые авторы представлены несколькими интервью, данными в разное время); Автобиографии и воспоминания (свыше 10); Документы; Дополнения; Комментарии; Списки публикаций (15 персоналий); Некрологи (18 персоналий); Свидетельства об отдельных лицах (30); Статьи по истории социологии (свыше 50) и посвященные биографическому методу (тоже свыше 50). Сайт интенсивно пополняется, а также обрастает гиперссылками.

15. Особо отметим, что с середины прошлого года сайт МБИ стал пополняться уникальными первопубликациями интервью, взятых Д. Шалиным у ряда своих российских коллег в рамках исследования об интеллигенции и перестройке в период 1989–1996 гг. В частности, на сайте опубликованы записи бесед Д. Шалина с: Г. Старовойтовой; Ю. Левадой и Е. Петренко; А. Левинсоном; В. Голофастом и Г. Саганенко; А. Алексеевым, Л. Кесельманом и О. Божковым; В. Шейнисом и А. Назимовой; В. Селюниным, - относящиеся к тому времени.

Среди этих материалов, на наш взгляд, особую ценность и интерес представляет интервью 1990 г., взятое у выдающегося отечественного социолога и социального мыслителя Ю. Левады (ныне покойного). Сейчас готовится публикация этого текста, с современными комментариями ряда российских социологов, в одном из ведущих профессиональных журналов.

Указанные интервью, кстати, отчетливо показывают, что историко-биографическое направление существенно не только для реконструкции истории социологии, но и для социологического постижения социального и индивидуального сознания представителей советской интеллигенции, от его духовных взлетов до моральных падений.

16. Можно сказать, что историко-биографическое направление в истории новейшей российской социологии ныне обрело не только постоянно прирастающую эмпирическую базу, но и развивается содержательно, так сказать, опережающими темпами.

Первые попытки теоретико-методологического и предметного обобщения и осмысления становящейся «истории российской социологии в лицах» содержатся в работах Г. Батыгина, Б. Докорова, Д. Шалина, Н. Мазлумяновой, Л. Козловой и других авторов, опубликованных на указанном сайте.

На главной странице сайта американо-российского сайта можно прочитать следующее «Приглашение»:

«Мы приглашаем социологов и обществоведов, живших и работавших во времена хрущевской “оттепели”, поделиться воспоминаниями об этом важном периоде российской жизни и соображениями о его значимости для наших дней. Предлагаем Вам при написании автобиографических заметок подумать над следующими вопросами.

1. Какое влияние хрущевская “оттепель” оказала на развитие социальных и гуманитарных наук? Как изменилась Ваша личная и профессиональная ситуация в эпоху брежневского застоя? Как бы Вы определили свое место в истории Вашей дисциплины советской эпохи? Каково Ваше мнение о перестройке и ее влиянии на общество и науку? Как изменения постсоветской поры сказались на Вашей работе и личной жизни? Не могли бы Вы назвать наиболее значимые школы и имена в Вашей науке? Какие ученые и научные школы за пределами России Вам кажутся наиболее интересными? Есть ли существенные различия в состоянии Вашей дисциплины в России и за рубежом? Как Вы оцениваете ситуацию в Вашей стране и ее воздействие на научную сферу? Должны ли ученые высказывать свою позицию по политическим вопросам? Что Вы думаете о ближних и дальних перспективах развития Вашей науки?»

17. Как видно, руководители проекта апеллируют прежде всего к старшему поколению российских социологов. И это правильно! Дело в том, что возраст первопроходцев современной российской социологии уже перевалил за 75. Значительная их часть, по счастью, пока в добром здравии. Но уже ушли от нас:

Геннадий Батыгин, Фридрих Бородкин, Вера Водзинская,
Владимир Герчиков, Николай Гиренко, Игорь Голосенко,
Валерий Голофаст, Леонид Гордон, Борис Грушин, Юрий Давыдов,
Герман Дилигенский, Тамара Дридзе, Вячеслав Дудченко,
Юрий Замошкин, Анатолий Зворыкин, Яков Капелюш,
Лен Карпинский, Вера Каюрова, Лев Коган, Наталия Козлова, Александр
Крыштановский, Павел Лебедев, Иосиф Лейман,
Людмила Лесохина, Владимир Лисовский, Владимир Лосенков, Юрий
Левада, Марат Межевич, Нина Наумова, Виктор Нейгольдберг,
Вадим Ольшанский, Борис Орнатский, Наталия Панина,
Валентин Подмарков, Вадим Сазонов, Никита Серов,
Эльмар Соколов, Лев Спиридонов, Галина Старовойтова,
Георгий Токаровский, Захар Файнбург, Эдуард Фомин,
Анатолий Харчев, Генриада Хмара, Анатолий Шаев,
Римма Шпакова...

И пусть это прозвучит даже кощунственно, надо “успеть” запечатлеть живые лица и “записать голоса” старших и младших “шестидесятников”, равно как и тех, кого Б. Докторов называет “шестидесятилетними” (кому сегодня около 65...), а не только сохранить их труды на книжных полках... Одним из способов такого сбережения памяти (увечковечения...) являются автобиографические тексты, профессиональные биографии, интеллектуальные автопортреты.

18. Не менее ценным, чем биографическое интервью (иногда возникающие по юбилейным поводам, с трудно преодолеваемой в таких случаях парадностью, чего, впрочем, нельзя сказать о большинстве интервью, опубликованных в “Социологическом журнале” и в “Телескопе...”), являются воспоминания об ушедших, вообще — “акции памяти”...

К числу самых ярких примеров таких акций в нашей сфере можно отнести издание книги “Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона)” (М.: Прогресс-Традиция, 2003), под редакцией его коллег - Г. Дилигенского, Э. Клопова и А. Назимовой. Этот коллективный труд состоит из трех частей: 1. Фрагменты из сочинений Л. Гордона. Библиография его трудов; 2. Статьи, посвященные памяти Л. Гордона; 3. О Лене, Леониде, Леониде Абрамовиче... Листки воспоминаний.

Для «книги памяти» об ученом, я бы сказал, это структура-эталон.

19. Среди “человеческих” документов (письменных...) о тружениках науки (что, впрочем, относимо и к любой сфере деятельности...) могут быть выделены

тексты: (а) собственно биографические; (б) ауторефлексивные; (в) воспоминания о... (данном человеке, ныне здравствующем или покойном). Категории (а) и (б) часто образуют пересечения, симбиозы. Категория (в) образует ценнейший аласт историко-биографической

Стоит заметить, что многие авторы, перейдя 60-летний и — особенно — 70-летний рубеж, сами ищут способа подведения некоторых (все же, лучше сказать, промежуточных, а не окончательных...) профессиональных и жизненных итогов. Иногда это капитальные труды “о времени и о себе” (например: И. В. Бестужев-Лада. Свою счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедшем и приходящем. М.: Алгоритм, 2004, 1152 с.). Иногда — деловые и лаконичные “Записки социолога” (так называется книга старейшего питерского социолога Самуила Кугеля, вышедшая в издательстве “Нестор-История” в 2005 г.).

К этому жанру можно отнести и тематизированную интеллектуальную автобиографию Владимира Шляпентоха (“Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом”; СПб.: Изд-во журнала “Звезда”, 2003).

Хочется упомянуть здесь автобиографические заметки Игоря Кона — “Эпоху не выбирают” (в наиболее полном виде опубликованы на сайте МБИ) [16], “Страницы творческой биографии” Татьяны Заславской (опубликовано в: Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли, 1950-1990. М., 1999, с. 37-82; см. также на сайте МБИ), В миру и наедине с собой» Эльмара Соколова (см., в том числе, на сайте МБИ).

20. Вот еще один пример. Из сообщений Полит.Ру (<http://www.polit.ru/science/2007/12/25/tiz1.popup.html>):

«24 декабря 2007 г. в Москве, в зале Ученого Совета Академии Народного Хозяйства при Правительстве РФ, состоялось празднование 80-летия известного российского социолога, экономиста, д. э. н., академика РАН Т. И. Заславской. Юбилейные торжества прошли одновременно с презентацией её трехтомника «Избранные произведения»: 1 том — «Социальная экономика и экономическая социология», 2 том — «Трансформационный процесс в России», 3 том — «Моя жизнь. Воспоминания и размышления».

Последним томом Татьяна Ивановна гордится особенно и говорит, что эта книга — «подведение итогов не только научной жизни, а жизни как таковой. Работа над книгой шла невероятно трудно, два года без выходных, без отпусков, два года сплошного труда, порой на последнем дыхании». Книга потребовала сильных эмоциональных затрат, когда Заславская писала о радостных и счастливых моментах в своей жизни, то молодела и расцветала, а когда о мучительных (например, гибели мамы во время первой бомбежки Москвы в 1941 году), то заболела и впадала в депрессию. Многие моменты пришлось переживать как бы заново, «за все приходится платить».

Открывая юбилейное заседание, Президент МВШСЭН Теодор Шанин отметил, что «есть люди, которые обладают особой харизмой. Они становятся символами эпохи» и именно таким человеком является Т. Заславская. «...Для меня Т.И. — это прорыв к правде, неустанные попытки выйти из десятка лет мифологии и войны, в мир, в котором делаются усилия говорить правду, в мир, где бы проливалось меньше крови». По его словам, Т. Заславская «...смогла написать не только свою биографию, но и в каком-то смысле историю страны. И теперь её книга расскажет сама за себя».

21. Бывает, что автор не стремится к последовательному автобиографическому повествованию, а в свою собственно научную работу включает отдельные биографические фрагменты и реминисценции. Примеры: В. Н. Шубкин. Насилие и свобода. Социологические очерки. М.: На Воробьевых, 1996; В. С. Дудченко.

Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М., Кватро-Принт, 2004.

22. При том, что первоочередным делом в формировании корпуса автобиографий советских и постсоветских социологов является обращение именно к “шестидесятникам” и “шестидесятилетию”, стоит, мне кажется, постепенно расширять круг приглашений и поиска. Не следует забывать, что современная, актуальная история российской социологии творится уже не в меньшей, а в большей мере “пятидесятилетию”, “сорокалетними” и еще позднейшими поколениями ученых. Из множества скоординированных и спонтанных усилий складывается «мэйнстрим» современной науки и множество ее побочных, маргинальных (порой становящихся стержневыми...) потоков.

23. Личностное науковедение, практика создания истории науки в лицах (или «истории науки с человеческим лицом», по выражению Б. Докторова), разумеется, наличествует у нас и не только в социологии. Но, может, быть именно потому эта «биографическая инициатива» возникла и получила развития именно в социологии, что:

- методология биографики достаточно близка к методологии качественных (антропоцентричных, интерпретативных. «гуманистических») социологических исследований;

- социологи исследуют «самих себя», реализуя при этом также и задачи, выходящие за рамки истории и социологии науки, относящиеся к проблематике «человека в обществе и общества в человеке» вообще;

- историко-науковедческие исследования выступают формой социологической ауторефлексии современной общественной науки.

24. Накопленный социологами организационный, методологический, содержательный опыт соединения инновационного биографического и классического исторического подходов, на наш взгляд, заслуживает использования и распространения в историко-науковедческих исследованиях также и других областей науки.

Январь 2008